

4. Иоханнес, Иттен. Искусство цвета/ Перевод с немецкого // Иоханнес. Иттен – 2-е изд. – М.: Д. Аронов; 2001. – 96 с.
5. Лашкевич, В.Н. Цветоведение: учебное пособие / В. Н. Лашкевич. – Ростов-на-Дону: ИАрХИ ЮФУ, 2009. – 132с.
6. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории, аналитический минимум / В. А. Лукин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Ось-89, 2005. – 559 с.
7. Миронова, Л.Н. Цвет в изобразительном искусстве / Л.Н. Миронова – Минск: Беларусь, 2002. – 150 с.
8. Миронова, Л.Н. Учение о цвете/ Л. Н. Миронова – Минск: Высшая школа, 1993. – 463 с.
9. Москвин, В.П. О категориях лексической стилистики / В.П. Москвин // Рус.яз. в шк. – 2017. – № 7. – С. 18–24.
10. Русецкий, А.В. Между земным и магическим: к портрету мастера / А.В. Русецкий. – Минск: Четыре четверти, 2019. – 178 с.
11. Русская книга о Марке Шагале [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://coollib.com/b/567024-lyudmila-vladimirovna-hmelnitskaya-russkaya-kniga-o-marke-shagale-tom-1/read> – Дата доступа: 27.03.2024
12. Щерба, Л.В. Избранные работы по русскому языку / ред. М.И. Матусевич / Л.В. Щерба – Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – М.: Учпедгиз, 1957. – 186, [2] с.

A.M. Pisarenko

The Belarusian State University of Culture and Arts

e-mail: kaffiloll@mail.ru

Artistic dialogue of images: philological analysis of the space of the soul and snow by Gennady Buraukin and Marc Chagall

Key words: philological analysis of the text, interaction of different types of art, surrealism, artistic image, comparative analysis, sound image, trails, painting, color.

The article is devoted to the description of the aesthetic function of images in various types of art – poetry and painting. Philological analysis, as one of the most productive and accurate methods, allows us to reveal distinctive features of Gennady Buraukin's poetic images, the role of phonics and syntax in revealing their content. Comparison of the characterized images of the soul and snow with similar images of Marc Chagall's paintings and poems emphasizes the similarity and highlights the individual worldview of the authors, as well as confirms the aesthetic value of the works.

Ю.В. Подковырин

Российский государственный гуманитарный университет

e-mail: mail1981@list.ru

УДК 801.7

К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВЫХ ПАРАМЕТРАХ СЛОВЕСНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: словесная организация, художественный смысл, автор, герой, герменевтика, инкарнация.

Статья посвящена выявлению и описанию особенностей актуализации смысла в словесной структуре литературного произведения; определены семантические контексты, в которых описывается художественное

слово; показаны различия в актуализации смысла слова во внутреннем коммуникативно-смысловом контексте произведения (мире персонажей) и в эстетическом коммуникативно-смысловом контексте, сформированном общением автора и реципиента; выявлен ряд особенностей актуализации художественного (инкарнированного) смысла в тексте.

Данная статья посвящена попытке выявления и описания смысловых параметров словесной организации литературного художественного произведения в связи с явлением *инкарнации* [7; 9, с. 22–26; 4] смысла.

Актуальность исследования обуславливается имеющимся в науке интересом к изучению особенностей словесной организации художественных текстов и прояснению семантики художественного слова (подробный обзор литературы по данной теме дан, в частности, в монографии В. Фещенко [8]).

Научная новизна исследования определяется тем, что в нём смысловые параметры словесной организации литературного произведения выявляются через соотнесение со специфическим способом осуществления его (произведения) смысла, который определяется нами как инкарнация (воплощение). Инкарнация смысла – это особый способ его актуализации в акте эстетического общения между автором, героем и читателем литературного художественного произведения, представляющий собой «претворение» смысла в бытие (жизнь) героя как целое (см. об этом подробнее [4]).

Общий принцип и основные параметры инкарнации смысла, по нашему мнению, являются общими для всех видов искусств. Однако то, что непосредственным предметом изображения и осмысления в литературе является «в строгом смысле не «жизнь вообще», а *слово*, жизнь человеческого слова» [3, с. 324] создаёт некоторые особые условия для инкарнации смысла, придаёт «воплощению» смысла именно в произведении словесного искусства определённую специфику. Следовательно, *цель* предлагаемого исследования – выявление и описание того, как инкарнированный характер художественного смысла определяет специфику художественного слова.

Словесная организация произведения так же, как и другие аспекты его художественного целого, осмысливается в нескольких коммуникативно-семантических контекстах. Обратимся к началу гоголевского «Тараса Бульбы»:

– А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И этак все ходят в академии? – Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших домой к отцу [1, с. 303]

С какими осмысливающими позициями соотносится этот фрагмент? Первая его часть, представляющая собой реплику Тараса, очевидно, соотносится с его ценностной (в данном случае – шутливо-иронической) установкой. Вторая часть – с позицией того субъекта речи, о существовании

которого Тарас не имеет понятия, но сквозь призму оценки которого передаются все его высказывания, – повествователя. Однако обе части данного фрагмента относятся к тексту, написанному Гоголем. Вместе с тем, ни приведённый отрывок, ни вся повесть в целом не представляют собой прямого высказывания Гоголя, отсылающего к его позиции в жизненном смысловом контексте. Гоголь в рассматриваемом нами случае, как и любой автор *художественного* текста, выступает как «скриптор», передающий читателям слова, принадлежащие не просто другому субъекту и произнесённые в другом хронотопе, но относящиеся к иному смысловому «измерению», к другой реальности. В мире, в котором создаётся и читается повесть Гоголя, её текст в целом и слова, его составляющие, являются семиотическим *средством* передачи смысла. Такой же функцией они наделены и в «мире» Тараса Бульбы и повествователя, только смысл, ими передаваемый, – не художественный, а жизненный. Однако высказывания Тараса Бульбы и повествователя не только «ретранслируются» автором-«скриптором», но и *изображаются* автором как «эстетически деятельным субъектом». Это означает, что они относятся им к такому смысловому «измерению», которое является *другим* и по отношению к жизненной реальности автора как создателя текста, и к жизненной коммуникативно-семантической сфере, объединяющей хронотопы героя и повествователя.

Таким образом, приведённый нами фрагмент повести, как и весь её текст (кроме заглавия, герменевтический статус которого требует специального рассмотрения), осмысливается в *трёх* коммуникативно-семантической контекстах. *Во-первых* – в имманентном литературном произведении *жизненном* смысловом континууме героя и повествователя. *Во-вторых* – во внешнем относительно произведения, но опять-таки *жизненном* смысловом контексте автора-«скриптора» (к этому контексту относятся значения слов в их исторической подвижности, грамматические правила и риторические конвенции). *В-третьих* – в эстетическом коммуникативно-смысловом контексте, в котором слова выступают не как знаки, обозначающие те или иные части изображаемой действительности героев, но сами являются *частью* изображённого бытия (инкарнированного смысла). Так, в «Тарасе Бульбе», как и в любом другом словесном художественном произведении, все моменты инкарнирующего смысл бытия героев даны в их высказываниях. *Прямая* словесная оценка пространственно-временных и сюжетных аспектов их бытия предполагала бы перевод смысла произведения в жизненно-этический план и упразднение границы между жизненным и эстетическим коммуникативно-смысловыми контекстами. Иначе говоря, в словесном художественном произведении текст как семиотическое средство коммуникации изображает прежде всего высказывание (или совокупность различных высказываний). Текст произведения и обозначаемое им высказывание «физически» равны друг другу, но относятся к разным коммуникативно-семантическим сферам: *жизненно-*

практической (риторической) и эстетической. Жизненно-практическая сфера, как мы отметили ранее, подразделяется на внешнюю, охватывающую автора-«скриптора» и реципиента словесного текста, и внутреннюю, объединяющую всех изображённых субъектов речи (в приведённом фрагменте из «Тараса Бульбы» – это один из персонажей и повествователь).

Рассмотрим характер соотношения аспектов художественного слова более подробно. Для этого обратимся к фрагменту ещё одного гоголевского произведения, на этот раз драматического, – комедии «Ревизор». Так, в 1 явлении I действия «Ревизора» в длинной реплике городничего, зачитывающего чиновниками фрагменты письма от Андрея Иваныча Чмыхова, сообщаются, в частности, следующие подробности: «...сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрипке...» [2, с. 221]. В контексте ситуации, изображаемой в данном эпизоде пьесы, информация о некоем Иване Кирилловиче (это лицо больше в тексте комедии не упоминается) не имеет, кажется, никакого значения. Сам Антон Антонович зачитывает данный фрагмент письма Чмыхова как будто бы по инерции, уже после основного сообщения о «чиновнике с предписанием», приговаривая «тут уж пошли дела семейные». Самим городничим и другими участвующими в сцене чиновниками информация о «сестре Анне Кириловне с мужем» и «очень потолстевшем» Иване Кирилловиче, по всей видимости, никак не осмысливается. Вместе с тем, семантическая проекция данной части реплики городничего на художественное целое пьесы даёт определённые результаты. Прежде всего уже отмеченная нами инерция высказывания городничего, перескакивающего с важнейшего рабочего вопроса (о ревизоре-«инкогнито») на «дела семейные» переключается с другими изображаемыми в комедии случаями размывания границы между частно-семейной и социально-профессиональной сферами мира пьесы. Отмеченное нарушение границы отмечается на уровне предметно-хронотопическом, сюжетном, речевом. Например, в том же 1 явлении I действия городничий говорит судье Ляпкину-Тяпкину следующее: «У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами». В явлении 2 III действия супруга городничего Анна Андреевна читает записку от мужа: «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие Божие, за два соленые огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек...» [2, с. 250]. Можно заметить, что в послании, написанном городничем на «счёте» из трактира, опять-таки частное соединяется, смешивается с социальным. Городничий, естественно, не замечает обнаруживающейся в его высказывании тенденции к смещению границ социального и частного. Однако эта черта организации речи героя «на горизонте» целого выступает как особенность артикуляции эстетической реальности, момент инкарнации смысла. Таким же образом можно интерпретировать и информацию об

«Иване Кириловиче». В ней гротескно сочетаются семантические далёкие характеристики. Сообщение о том, что Иван Кирилович «очень потолстел», относится к *телесному* состоянию персонажа, тогда как упоминание об игре на «скрыпке» указывает на творческую, *духовную* деятельность. Одна характеристика никак не вытекает из другой, их сочетание вызывает впечатление абсурдного диссонанса. Однако похожее впечатление вызывает и контекстуально неуместное, но при этом воспринимаемое городничим как нечто естественное, перескакивание с важнейшего профессионального вопроса о «ревизоре» на «дела семейные». Таким образом, в жизненном смысловом измерении рассмотренные фрагменты высказывания городничего и цитируемого городничим письма Андрея Ивановича Чмыхова осмысливаются как моменты *частной ситуации общения* (при этом в кругозорах персонажей их смысловая насыщенность стремится к нулю). В эстетическом же смысловом контексте данные фрагменты речи персонажей (как устной, так и письменной), в силу инкарнации смысла, выступают как моменты словесной артикуляции *бытия героев как целого*.

В рассмотренном выше фрагменте из «Ревизора» мы увидели, как инкарнированный, связанный с бытием героя как целым, смысл высказывания соотносится с частно-ситуативным смыслом, актуализированным во внутреннем семантическом континууме произведения (мире персонажей). Однако соотношение в высказывании частно-жизненного и художественного – целостного – смысловых планов имеет место и в том случае, когда частно-жизненный план связан с внешним смысловым континуумом – действительностью автора-«скриптора» и читателей. Такая семантизация слова характерна для так называемого «паратекста», для ремарок в тексте драмы.

Смысл высказывания, соотнесённый в контексте инкарнации с бытием героев как целым, может, благодаря такой проекции, приобрести черты, противоположные тем, которые определяются ситуацией и субъектом жизненного общения. Рассмотрим фрагмент из 2-й главы первой части первого тома «Войны и мира». В последнем абзаце этой главы дана оценка Пьера как «молодого человека, не умеющего жить» [6, с. 12]. Фактически эта оценка дана в речи повествователя, однако отсылает она к позиции Анны Павловны Шерер (то есть имеет место несобственно-прямая речь). Эта словесно выраженная оценка одного героя другим имеет во внутреннем смысловом измерении произведения частно-ситуативный смысл. То есть Пьер – «молодой человек, не умеющий жить» не по своей сути (смыслу), а только по *мнению* героини (хотя это мнение и отражает, резонно предположить, позицию определённой социальной группы, а именно людей опытных в «светском» общении), мнению, сформировавшемуся в определённой конкретной ситуации. Словесно зафиксированная оценка *направлена на* героя, но к его *бытию* не относится. В то же время в смысловой перспективе романа как целого данное определение приобретает иной смысл. Пьер действительно по самому образу своего бытия как целого

изображается «человеком, не умеющим жить». Разумеется, в том понимании «жизни», которое присуще людям «светским» (таким, как А.П. Шерер, князь Василий Курагин, Элен и ряд других). Для последних «умение» жить связано прежде всего с овладением искусственными, ролевыми правилами «жизни» как некоего социального ритуала. Если в жизненном контексте осмысления данное определение героя представляет собой словесную «разметку» частно-ситуативного мнения о нём, то в эстетическом смысловом контексте оно онтологизируется, выступает как словесная артикуляция бытия героя. В последнем случае определение «не умеющий жить» приобретает уже не отрицательный, а позитивно-утвердительный характер.

Отмеченные специфические особенности актуализации смысла в словесной организации произведения могут быть выявлены не только в произведениях эпики и дармы, но и лирике (особенности инкарнации смысла в словесной структуре произведения рассматриваются нами, в частности, на материале стихотворения А.С. Пушкина «Полководец» [5]). Малый объём предлагаемой статьи не позволяет рассмотреть особенности актуализации инкарнированного смысла в художественном слове на разнообразном материале, поэтому переходим к выводам.

Итак, в словесном художественном произведении основные качества инкарнированного смысла актуализируются с рядом особенностей.

Во-первых, онтологизация художественного смысла в литературном произведении связана, с одной стороны, с онтологизацией самого художественного слова: с тем, что оно переносится в тот же план бытия, к которому относятся обозначаемые им предметы, а его семиотическая функция хотя и не устраняется, но перестаёт быть основной. С другой стороны, в литературном произведении имеет место вербализация самого изображенного бытия: оно приобретает качества слова.

Во-вторых, в литературном произведении вербализованный характер эстетического бытия (= инкарнированного смысла) приводит к тому, что такое качество художественного смысла как *репрезентативность* и связанная с ним универсальность проявляется в большей степени. Благодаря вербализации инкарнированный, претворённый в бытие, смысл концептуализируется. В силу этого усиливается семантическая «валентность» словесного художественного образа, его способность репрезентировать различные аспекты целостного смысла произведения.

В-третьих, дискретная структура словесного высказывания позволяет с особой отчётливостью высветить *континуальный* характер инкарнированного художественного смысла.

В-четвёртых, именно в словесном художественном произведении на передний план выдвигается такое качество инкарнированного смысла как *со-бытийность*, актуализация смысла в формах бытия-общения. Поскольку одна из основных функций слова – коммуникативная, основным предметом изображения именно в словесном художественном творчестве являются различные формы коммуникации.

В-пятых, *зримость* и *предметность* художественного смысла проявляются в литературном художественном произведении благодаря актуализации в слове черт *иконического* знака: а) посредством выдвигания на первый план смысла, раскрываемого «внутренней формой» (Гумбольдт – Потембня) слова; б) посредством повышенной семантизации формально-«телесных» сторон слова и словесного высказывания: фонетических, ритмико-интонационных, синтаксических.

Представим соотношение жизненного и художественного способов семантизации слова (высказывания) в виде таблицы:

Слово (высказывание) как средство жизненного общения-осмысления	Слово (высказывание) как аспект инкарнации смысла
<i>Частно-ситуативная</i> семантика высказывания	Проекция смысла высказывания на бытие героев как <i>целое</i>
Акцент на субъективном смысле слова (высказывания), в отличие от <i>объективной</i> семантики «словарного» значения	Акцент на <i>интерсубъективном</i> смысле слова-высказывания, раскрывающим <i>со-бытийный</i> характер бытия
<i>Условность</i> семантики слова (высказывания) как знака, обусловленная разобщённостью смыслового и предметного (бытийного) планов в его контексте	Приобщение слова (высказывания) с присущей ему семантикой к бытию как целому, или <i>онтологизация</i> , сопровождающаяся <i>вербализацией</i> изображённого бытия и <i>концептуализацией</i> (схематизацией) инкарнированного смысла
<i>Умозрительность</i> смысла слова (высказывания), обусловленная его <i>деонтологизированным</i> характером	<i>Иконизация</i> (тенденция к иконичности) смысла слова (высказывания), обусловленная онтологизацией его семантики и проявляющаяся в актуализации как «внутренней формы», так и <i>внешней</i> формы – звуковых/графических и/или ритмико-интонационных характеристик

Литература

1. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений в 17 тт. Т. 1–2. / Н.В. Гоголь. – М.; К.: Изд-во Московской патриархии, 2009. – С. 303. 664 с.
2. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений в 17 тт. Т. 3–4 / Н.В. Гоголь. – М.; К.: Изд-во Московской патриархии, 2009. – 688 с.
3. Кожин, В.В. Литература и слово (методологические заметки) / В.В. Кожин // Поэтика и стилистика русской литературы. – Л.: Наука, 1971. – С. 320–328.
4. Подковырин, Ю.В. Инкарнация смысла литературного произведения / Ю.В. Подковырин. – М.: Эдитус, 2022. – 202 с.

5. Подковырин, Ю.В. К вопросу о герменевтических параметрах художественного слова («Полководец» А. С. Пушкина) / Ю.В. Подковырин // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2023. – № 5. – С. 22–31.

6. Толстой, Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 9. Война и мир. Т. 1. / Л.Н. Толстой. – М.: ГИХЛ, 1937. – 520 с.

7. Тюпа, В.И. Инкарнация смысла («Рождество» Набокова) / В.И. Тюпа // Производство смысла. Сборник статей и материалов памяти Игоря Владимировича Фоменко. – Тверь, 2018. – С. 333–342.

8. Фещенко, В. Язык в языке. Художественный дискурс и основания лингвоэстетики / В.Фещенко. – М.: НЛЮ, 2022. – 368 с.

9. Фуксон, Л.Ю. К вопросу о специфике смысла художественного произведения / Фуксон Л.Ю. // Толкования: сборник научных статей. – Кемерово: КемГУ, 2018. – 199 с.

Yu.V. Podkovyrin

Russian State University for the Humanities

e-mail: mail1981@list.ru

On the question of the semantic parameters of the verbal organization of a literary work

Key words: verbal organization, artistic meaning, author, hero, hermeneutics, incarnation.

The article is devoted to the identification and description of the features of the actualization of meaning in the verbal structure of a literary work; the semantic contexts in which the artistic word is described are defined; differences in the actualization of the meaning of the word in the internal communicative and semantic context of the work (the world of characters) and in the aesthetic communicative and semantic context formed by communication between the author and the recipient are shown; a number of features of the actualization of the artistic word are revealed (incarnated) the meaning of the text.

М.О. Польников

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

e-mail: polnikovmarkvsu@gmail.com

УДК 141.78:82.09:82-2”19/20”

РЕЦЕПЦИЯ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ КАК СПОСОБЫ ВОПЛОЩЕНИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ДРАМЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС А. ЗЕНЗИНОВА, В. ЗАБАЛУЕВА, И. ШПРИЦА И В. СОРОКИНА)

Ключевые слова: русская современная драматургия, авторское сознание, рецепция, жанровая структура драмы, постмодернизм.

В статье рассматриваются рецепция и деконструкция литературных традиций как глобальные способы воплощения авторского сознания